

ПОИСКИ, НАХОДКИ

ФОТОГРАФИЯ
И ПОЕДИНОК

Когда скончался Ференц Лист, знаменитый русский пианист Антон Рубинштейн сказал: «Фортепиано теряет с ним свое величие, фантастику и поэзию».

Преувеличения нет. «Могучий венгр» на протяжении полувека не знал соперников в игре на фортепиано. Его концерты, по выражению В. Стасова, были «настоящими выставками музыкального творчества».

Лист объехал многие города и страны, но неизменно возвращался в маленький немецкий городок Веймар. Сюда приезжали к Листу его русские друзья. И кто-то из них возвратился в Россию с его фотографией. На ней Лист в кресле у письменного стола в своей квартире, в Веймаре. Русский композитор А. П. Бородин подробно описал его дом, его кабинет.

«Почти посередине кабинета наискось поставлены кресла и крохотный, совсем дамский письменный столик, на котором Лист пишет свою музыку. Колоссальная драпировка, разделяющая помещение на гостиную и кабинет, равно, как и драпировка на окнах, двери, — из тяжелого полосатого рисса с широкими красными полосами... Мебель, кроме стульев перед роялем, — мягкая и обита таким же риссом... На рояле, окнах и столах — груды нот, печатных и рукописных».

Этому редчайшему снимку не менее ста лет. Знал он альбомы коллекционеров, а потом был подарен мне одним из московских артистов. Когда я гляжу на него, мне приходит на память рассказ об удивительном поединке...

В сороковые годы прошлого века по пути в Россию Лист останавливался в Яссах. Здесь и произошла встреча.

Два музыканта. Один — прославленный пианист, другой — простой скрипач. Его игру не слышали в феиценбельных особняках и великосветских салонах. Его партитуры и письма не собирали архивисты — он был неграмотен и не знал нот. Ему аплодировали не знатоки, хлопали в ладоши простые крестьяне.

Это был молдавский скрипач Барбу Лаутару.

И вот они сошлись в поединке, как равный с равным. Кишиневский музыковед Борис Яковлевич Котляров нашел рассказ об этом в одной французской газете 1874 года:

...Барбу Лаутару был стар: его седая, раздвоенная борода спускалась до груди, а из-под надвинутой на лоб шапки сверкали умные и живые глаза. ...Обернувшись к своему оркестру, он подал знак музыкантам. ...Охваченный вдохновением, Барбу заиграл что-то неописуемо прекрасное. Лист слушал, не говоря ни слова. Пораженный одухотворенностью исполнения, композитор с восторгом внимал этим бродячим артистам, которые сумели постичь тайну музыкального искусства. Словами невозможно описать выразительность этой музыки. На фоне высоких звуков ная ярко выделялась широкая мелодия с ее шемящей, но сдержанной тоской...

Застыв в дубовом кресле, Лист слушал, не отрывая глаз от музыкантов, и время от времени на его выразительном лице отражались волновавшие его чувства.

Когда стих последний аккорд, Лист прижал руки к груди, и, как бы сдерживая волнение, сказал:

— Ах, как это красиво!

Затем Лист поднялся и, обращаясь к Барбу, сказал:

— Ты познакомил меня с твоей музыкой, теперь я познакомлю тебя с моей.

Лист сел за рояль и в наступившей тишине заиграл. Со скрипкой в руках Барбу внимательно слушал. Лист начал прелюдию, потом перешел к импровизации Венгерского марша Воодушевившись, опьяненный звуками, закинув голову назад, с полузакрытыми глазами, он руками пробегал по клавиатуре рояля, извлекая жемчужный поток звуков...

— Барбу Лаутару, — сказал он, окончив, — что ты скажешь об этой мелодии?

— Она такая красивая, — ответил старый Лаутару, — что, если ты мне позволишь, я попробую сыграть ее тебе.

На губах Листа промелькнула недоверчивая улыбка, но он сделал утвердительный знак головой. Барбу обернулся к своим музыкантам и, приложив скрипку к плечу, начал играть Венгерский марш.

Ничто не было забыто, ни трели, ни арпеджио с повторяющимися нотами, ни, наконец, чудесные переходы от полутона к полутону при возвращении к первоначальному мотиву, которые так свойственны Листу. Барбу играл на скрипке все, что только что сыграл пианист. Лист был потрясен.

Когда Барбу кончил, он подошел к старому Лаутару и поцеловал его. Затем, протягивая ему по древнему обычаю стакан вина, сказал:

— Пей, Барбу Лаутару, ты создан артистом большим, чем я.

НА СНИМКЕ: Ференц Лист в своем кабинете.

Б. ЧЕЛЫШЕВ.